

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический документальный
детектив

Штирлиц XIX века.
Тайный сыск генерала
де ВИТТА

Герои и антигерои российской истории

Владимир Шигин

**Штирлиц XIX века. Тайный
сыск генерала де Витта
(Собрание сочинений)**

«ИП Каланов»

2011

Шигин В. В.

Штирлиц XIX века. Тайный сыск генерала де Витта (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2011 — (Герои и антигерои российской истории)

Книга известного российского писателя-историка Владимира Шигина "Штирлиц XIX века. Тайный сыск генерала де Витта" посвящена тайнам пушкинской эпохи. Это документальный исторический детектив, полный тайн и загадок, самых невероятных приключений, любовных и шпионских страстей. Главный герой книги – генерал от кавалерии граф Иван Осипович де Витт. Ни об одном российском генерале при жизни не ходило столько противоречивых слухов и невероятных домыслов. Сегодня историки по праву называют его Штирлицем XIX века. То, что сделал де Витт, хватило бы на десять жизней и каких! Этот человек одновременно являлся доверенным лицом российских императоров и... Наполеона. Он сыграл не последнюю роль в жизни поэта Александра Пушкина и французского писателя Оноре де Бальзака. А его роль в раскрытии заговора декабристов до сих пор вызывает споры противников и апологетов декабристского движения. Выдающийся российский разведчик и контрразведчик, чьи многочисленные тайные операции и подвиги, к сожалению, забыты потомками. Книга «Штирлиц XIX века. Тайный сыск генерала де Витта» – это документальный исторический детектив, наполненный множеством известных исторических персонажей от Пушкина и Мицкевича, до Наполеона и Аракчеева, которые предстают перед нами совершенно по-новому. Автор провел немало лет в государственных и частных архивах и библиотеках, чтобы восстановить тайную жизнь выдающегося генерала секретных служб России, впервые рассказать о неизвестных разведывательных операциях начала XIX века.

© Шигин В. В., 2011

© ИП Каланов, 2011

Содержание

Прекрасная фанариотка	7
В начале пути	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Шигин

Штирлиц XIX века. Тайный сыск генерала де Витта

© Владимир Шигин 2020

Моей жене Виктории с любовью, посвящая эту книгу

Автор

Недалеко от Севастополя на овеянном легендами мысе Фиолент находится тысячелетний Георгиевский монастырь. Когда-то на его территории располагалось небольшое кладбище, где хоронили людей, имевших особые заслуги перед Отечеством. Еще и сегодня неподалеку от бюста Пушкину, установленному в честь посещения великим поэтом мыса и монастыря, можно увидеть остатки старого кладбища, но самих могил, увы, уже не отыскать.

В течении многих лет, бывая у стен знаменитого монастыря, я всегда пытался отыскать место захоронения человека, судьба которого до сегодняшнего дня остается загадкой. Слишком много таинственного окружало его при жизни, слишком много тайн унес он с собой в могилу, в том числе тайну своих отношений с Пушкиным и Мицкевичем, тайну любви Наполеона и Бальзака, тайны декабристов и многое-многое другое.

Этот человек – генерал от кавалерии и кавалер всех российских орденов граф Иван Осипович де Витт. Его портрет и сегодня можно увидеть в знаменитой галерее героев 1812 года, что в Зимнем дворце Петербурга.

И.О. де Витт. Художник Дж. Доу

Наверное, ни об одном из российских генералов не ходило в свое время столько противоречивых разговоров, домыслов и самых невероятных рассказов. Плотным покровом неизвестности многое из его биографии сокрыто и до сегодняшнего дня...

Прекрасная фанариотка

Герой нашей книги Иван де Витт родился в 1781 году в Каменец- Подольске. Отец его был комендантом этой польской крепости. Впоследствии, во время восстания конфедератов де Витт без боя передал свою крепость российским войскам и в награду за это был принят на русскую службу, а так же оставлен в своей старой должности. Впрочем, особого следа в истории он не оставил в отличие от своей супруги.

Женой старшего де Витта и матерью нашего героя была знаменитая на всю Европу авантюристка-красавица Софья де Витт. О матери героя нашей книги мы должны поговорить подробнее, ибо незаурядная личность Софьи де Витт оставила немалый след в мировой истории. Кроме этого незримая тень матери оказывала влияние на нашего героя на всем протяжении его жизни, кроме этого образ красавицы будет сопутствовать нам на всем протяжении повествования. История жизни Софьи де Витт была столь богата самыми невероятными событиями, что могла бы послужить сюжетом целой серии приключенческих романов! Недаром история этой загадочной красавицы вдохновила впоследствии Пушкина на создание одного из его самых гениальных творений!

Генерал от кавалерии Иван Осипович Витт

Но обо всем по порядку. Начнем с того, что Софья Витт была по происхождению гречанкой, причем, судя по всему, из весьма бедной семьи. Вне всяких сомнений и то, что Софью Витт можно считать достойной представительницей великого племени авантюристов восемнадцатого века, давших миру немало известных имен от Джакомо Казановы до графа Сен- Жармена и Калиостро. Дети сапожников, ремесленников и крестьян с легкостью присваивали себе самые громкие титулы и, обманывая доверчивых аристократов, добивались денег и славы. Под стать мужчинам были и женщины. Чего стоит только история таинственной и несчастной куртизанки княжны Тарakanовой, мечтавшей о всероссийском престоле и ставшей, в конце концов, разменной монетой в руках польских конфедератов. При этом, если главным качеством

мужчин-авантюристов было умение обольщать женщин, то главным оружием авантюристок – женщин было, естественно, умение обольщать мужчин. К этому следует, разумеется, прибавить и такие обязательные качества как красота и ум.

И еще одна особенность удивительной плеяды великих авантюристов восемнадцатого века – все они, как один, не обошли своим вниманием Россию, надеясь сорвать там свой куш и попытать счастья. У одних искателей фортуны в России все сложилось прекрасно: граф де Литта, герцог де Ришелье, граф де Рибас, к примеру, сумели прижиться и стали вполне уважаемыми людьми. Принца Нассау-Зигена и американца Поля Джонса подвела излишняя самоуверенность, после чего их карьера в России завершилась полным крахом. Граф Калиостро, как известно, был разоблачен и с позором бежал, а самозванка княжна Тараканова, чьи непомерные амбиции стали угрожать верховной власти, умерла от чахотки в казематах Петропавловской крепости. Что же касается женщины, речь о которой мы поведем ниже, то она оказалась настолько умна, что сумела извлечь из того, что ей давала судьба, все, что только возможно.

Ольга Станиславовна Нарышкина, урождённая Потоцкая (1802–1861)

Однако, кроме всего прочего, необходимо отметить и особенность личности Софьи – будучи православной гречанкой, она сквозь всю жизнь пронесла преданность своей вере и свою искреннюю любовь к России. То и другое она старалась воспитывать и в своих детей.

Официально считается, что София Глявоне (Клаврон) – Челиче София из семьи Глявоне-Челиче родилась 12 января 1760 года. В ряде источников помимо фамилии Челиче приводятся еще фамилии Глявоне (или Клаврон) и Маврокордато. Красота Софьи Клаврон была замечена уже в раннем девичестве и с тринадцати лет считалась самой красивой девушкой в Константинополе. О красоте Софьи будут впоследствии еще много говорить в самых возвышенных тонах все, с кем только пересекался ее жизненный путь. Ряд биографов прямо именуют ее просто и без затей – "прекрасная фанариотка".

Фанариотами издревле именовали константинопольских греков, живших в особом квартале Фанаре на берегу Золотого Рога. Последние потомки гордых византийцев, они должны были выживать среди враждебного им мусульманского мира, чтобы сохранить свою веру и самобытность. Эта многовековая борьба за выживание сформировала особый тип людей:

умных, хитрых, умеющих приспосабливаться к любым условиям и удивительно предприимчивых. Фанариоты практически стояли на протяжении многих веков во главе турецкой торговли. Помимо этого турки весьма активно привлекали фанариотов и к государственной службе, в качестве наместников в пашалыках и министров дивана. Со временем само понятие «фанариот» становится нарицательным, как определение человека, который выкрутится из любой ситуации и никогда не упустит свою выгоду. Софья Клаврон была настоящей фанариоткой по своему духу. Она, думается, всегда знала, чего хотела и упорно шла к своей цели, невзирая на возникающие преграды.

По одной версии, несколько лет юная красавица провела в константинопольских притонах, а затем первый поворот судьбы, ее высмотрел польский посол и, выкупив у содержателя, решил отправить в Варшаву в качестве подарка королю Польши Станиславу Понятовскому, который, как известно, обожал столь экзотические презенты. Вместе с Софьей была выкуплена и ее старшая сестра, тоже отличавшаяся редкой красотой. Однако до Варшавы девушек так и не довезли. Еще в Константинопольском порту Софью случайно увидел польский военный советник майор Иосиф де Витт и тут же, выложив баснословную сумму, перекупил обеих красавиц у посла.

По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, неплохо осведомленного о биографиях своих современников, эта будущая львица Петербурга была на пороге жизни служанкой в константинопольском трактире (а вовсе не проституткой, как говорила молва!), где обратила на себя внимание секретаря польского посольства, а затем и самого посланника при Османской Порте Деболи, который и увез ее с Босфора на Вислу.

Согласно другой версии, посол в Турции Боскамп Лясопольский, проезжая по улицам Константинополя, заметил бедную тринадцатилетнюю девочку- гречанку, которая была им приобретена у матери за 1500 пиастров. По пути в Польшу посланник остановился в Каменце. Там в юную спутницу посла без памяти влюбился сын коменданта крепости майор Иосиф Витт, которому удалось тайно обвенчаться с прекрасной фанариоткой и вскоре увезти ее во Францию. Имеется также история о некоем французском поселе в Стамбуле, доставившем девочку сразу в Париж, но последнее весьма сомнительно.

А вот еще один рассказ о начале восхождения красавицы: «Летом 1777 года в Стамбуле, в польском посольстве, возглавляемом Каролом Лясопольским, появилась красавица София (ей было 17 лет). "Самая красивая женщина" Европы была помещена в дом, где жили слуги. Кароль часто приглашал её к себе. Родилась она вблизи Стамбула, отец – скупщик скота, жили бедно. Девочка получила "спартанское" воспитание. В 11 лет она потеряла свою невинность (двоюродный брат всем рассказал о случившемся). Пришлось ехать в Стамбул к тётке. Юная София начала пользоваться своей красотой. Вскоре в столицу переезжает вся её семья, но через два года умирает отец, сгорает дом, остались без средств к жизни. В это время судьба свела её с Лясопольским. Была зачислена в свиту посольства, хотя считалась фактически содержанкой посла. Быстро приспособилась к новой жизни, проявив блестящие способности.

Софья Станиславовна Киселёва, урождённая Потоцкая. 1820-е гг. Художник И. Олешкевич

Научилась неплохо говорить по-французски, усвоила манеры поведения в высшем обществе. Посол записал в своём дневнике: "Память необыкновенная! Логический склад ума. Наблюдательность и настойчивость поразительны! Умеет маскироваться, скрывать свои чувства, может быть угодливой, уступчивой, если того требуют обстоятельства". Он охотно проводил время с красавицей, забыв о службе. Разгневанный король Польши Понятовский потребовал немедленного возвращения Лясопольского в Варшаву. А посол с Софией наслаждались красотой Черноморского побережья. Пришлось расстаться, его ждали жена и дети. Но вскоре попал в немилость, и сейм запретил ему заниматься дипломатией (якобы, причина – нечистокровный поляк). Переписывались. Уж, не знаю, тосковала ли на самом деле Софья о Лясопольском, но тот о ней точно. Затем, овдовевший к тому времени Кароль, приглашает красавицу в своё имение "Дуду". На крыльях ветра неслась к нему София». Еще бы, ведь это был ее шанс вырваться из мира вечной нужды и изменить свою судьбу!

С большим трудом добралась она до Каменец-Подольска. Комендантом крепости в то время был Витт, а его правой рукой – сын Юзеф Витт, майор польской армии. Приехав в Каменец-Подольск, Софья сразу же проявила свой ум и авантюрный характер. Отрекомендовавшись невестой посла и выдавая себя за знатную особу, она сразу требовала к себе и соответствующего отношения. И сразу же все получила. Впрочем, разрешения на выезд в Польшу всё не было, а ждать его было ей уже невмоготу. Видя, что дело затягивается и посол, вполне возможно, уже охладел к ней, София решает самостоятельно устроить свою судьбу, тем более, что в поклонниках у нее недостатка не было. Предпочтение она отдаёт молодому Юзефу де Витту, посчитав его наиболее перспективным. Что касается избранника красавицы майора де Витта, то он являлся поляком голландского происхождения, отец которого некогда оставил родину ради карьеры в другой стране. Род Виттов был в свое время весьма знаменит в Европе. Достаточно вспомнить лишь знаменитого голландского адмирала Корнелиуса де Витта по кличке "забияка", геройски павшего в одном из сражений англо-голландских войн XVIII века и правителей Голландии того же периода братьев Иогана и Корнелиуса де Витт. Вскоре София стала законной супругой майора.

Корнелис де Витт

Польский историк пишет по этому поводу следующее: «Первую свою победу 13-летняя Софья одержала, сама не зная и не желая того. Их с сестрой выгрузили на берег вместе с другим имуществом королевского посла в Каменец-Подольской пограничной крепости. И гречанку-жемчужинку в грязном изорванном платье с буйными спутанными локонами увидел сын коменданта крепости майор Иосиф Витт. Крошка предназначалась гарему любвеобильного и не слишком разборчивого Станислава Августа, короля польского. Посол купил сестричек-гречанок в Турции у их собственной матери, расхваливавшей свой товар, за сущие гроши. Теперь комендантский сын заплатил ему за них кучу золота. Посол был рад – ему меньше хлопот и верные деньги. Старшая из красавиц быстро стала любовницей майора, а от второй – Софьи – майор за свои собственные денежки получил лишь решительный отказ и предложение взять ее в законные супруги. Предложение беспрецедентное, поскольку майор услышал его от рабы, от маленькой шлюшки, крепостной, без рода, без имени, без прав, зато с красотой Прекрасной Елены. Майор обвенчался с ней 17 июня 1779 года. Перед чарами, мольбами и мудрой речью юной жены не устоял и старый комендант, не дававший вначале согласия на этот брак. На матушку майора чары не подействовали – она попросту скончалась. Старшую сестру красавицы Софьи не забыли, она была благополучно и весьма выгодно выдана замуж за турецкого пашу».

Еще одна из многочисленных легенд истории знакомства Софьи с будущим мужем гласит, что никакого польского посла никогда не было, а де Витт познакомился с Софией в Константинополе, куда приезжал, чтобы предложить свои услуги турецкому султану и случай совершенно неожиданно свел в Константинопольском порту греческую служанку и голландского аристократа. Причем вначале Витт, якобы, довольствовался сожительством с ее старшей сестрой, потому, что младшая попросту не подпускала его к себе, всякий раз оказывая бешеное сопротивление. Отказы красавицы, как и рассчитывала Софья, только возбуждали страсть любвеобильного майора. Вскоре он полностью охладел к старшей сестре и сосредоточил все свое внимание на младшей Софье. Но та по прежнему не сдавалась, а, якобы, поставила условие, что отдастся майору только при условии, если тот женится на ней. Это было на первый взгляд неслыханно: простолюдинка (почти что шлюха) ставила условие польскому шляхтичу, который к тому же ее и выкупил, а потому, согласно всех законов, являлся ее полноправным

хозяином! Но далее произошло совсем невероятное. Витт смиренно принял все выставленные ему условия и почти сразу же безропотно женился на Софии. Впрочем, легенда есть легенда и все могло произойти совсем не так. К тому же и в самой легенде нет ничего сверхъестественного, ибо любовь и страсть, если они настоящие, способны рушить и не такие преграды! Если относительно чувств де Витта никаких сомнений быть не может, то со стороны Софии могла иметь место вовсе не любовь, а трезвый прагматизм. Если красота – это товар, то этим можно воспользоваться. Рабыни в Европе стоят не дорого, зато жены аристократов, выведенные в свет, ценятся весьма не мало!

В родослове семьи Потоцких о происхождении Софии, и о ее молодости, приводится несколько иная версия: «Изначально она (София- В.Ш.) была «стопроцентной» Челиче, поскольку отец и мать носили такую фамилию. Но в пятнадцатилетнем возрасте София осталась без отца. Мать повторно вышла замуж – за купца-армянина, но вскоре умер и он. В довершение ко всему во время большого пожара семья лишилась дома... Погорелиц приютила тетка Софии по матери, которая была замужем за купцом Глявоне. Сама София всегда подчеркивала, и свидетельства сохранились, свое происхождение от знатного аристократического рода Панталиса Маврокордато, проистекающего от царской греческой семьи и связанного кровными узами с властителями Византии...

Положение сестер в польском посольстве в Стамбуле и их последующая жизнь опровергают ставшие расхожими вымыслы о продаже их кому-либо на невольничьем рынке в Стамбуле. Наверное, поэтому, для придания большей «правдоподобности» вымышленному факту, польский историк Йосип Ролле, широко известный как Антоний I, в своих писаниях сознательно занижает возраст Софии и ее сестры (в его книге «Судьба красавицы» во время приезда в Каменец-Подольский Софии было 13 лет, а сестре – 15). А ведь к 1777 году София и тем более ее сестра были уже взрослыми и самостоятельными девушками, к тому же, хоть и обедневшими, но полноправными подданными турецкого государства. Об этом вымысле и сознательном искажении фактов пора, наконец, сказать открыто и прямо. Ведь именно с подачи Йосипа Ролле в общественном сознании укоренилась нелепая легенда о Софии как о «трижды проданной» женщине, единственным достоинством которой была лишь ее необычайная красота».

Как бы то ни было, но в 1779 году София стала законной супругой сына коменданта Каменецкой крепости Йозефа де Витта. Несмотря на все варианты происхождения Софии Клаврон, все биографы красавицы согласны в одном: обладая необыкновенной красотой, немалым умом и предприимчивостью, девушка сумела сделать себе блестящую партию с польским дворянином, что по нравам XVIII века было известной редкостью.

Прожив год в Каменец-Подольске, молодая пара выехала за границу. Перед вчерашней служанкой открылись аристократические салоны Берлина и Гамбурга, Рима и Венеции, Неаполя и Вены и, наконец, Варшавы. Если для всякой другой девушки из бедной семьи это было бы уже пределом мечтаний, то посмотрев Европу и познакомившись с высшей аристократией, София уже мечтала о более счастливой судьбе, чем судьба гарнизонной майорши.

Неожиданно для всех, и в первую очередь для мужа, София произвела настоящий фурор в высшем свете Парижа. Польщенный Витт демонстрировал и даже рекламировал свою жену. Шляхтичу льстило, что его жена затмевала своей красотой европейских светских львиц. А Софья продолжала завоевывать все новые мужские сердца. Известная в то время парижская художница Виже-Лебрен, рисовавшая юную де Витт, объявила во всеуслышание, что красивее этой девушки нет во всей Европе.

*Элизабет Вижье-Лебрён
Автопортрет в соломенной шляпке, 1782.*

На балы, где танцевала София специально приезжали, чтобы посмотреть на красотку, о которой все так много говорили. Вскоре у ног Софии был уже весь Париж. Супругов Витт приглашали на самые престижные приемы только для того, чтобы полюбоваться необыкновенной красавицей. Всюду, где появлялась София, вокруг неё мгновенно образовывались толпы поклонников. Положение ее мужа вскоре становится откровенно двусмысленным, но недалекий шляхтич этого не понимал и упивался ролью мужа красавицы. Тем временем с Софией знакомятся и рассыпаются в комплиментах почти все европейские монархи: Фридерик VI и Людвиг XVIII, Карл X и Юзеф II. Прошло совсем немного времени и мадам де Витт стало совершенно ясно, что провинциал муж только мешает ей подняться еще выше. Заурядный поляк давно потерялся в толпе поклонников и все больше раздражал, покоровшую Европу супругу.

Именно в это время в 1781 году у Софии рождается сын, названный Иоганном, который и является главным героем нашего повествования. Но это еще впереди. Блестающей в свете матери, разумеется, было не до ребенка. Сразу после рождения, мальчика передали кормилице и нянькам. Своему сыну София станет уделять внимание значительно позднее, а пока она снова поглощена балами, приемами и толпами поклонников.

Что касается ее супруга, то после поездки в Париж, майор де Витт отправляется в Петербург, подыскать себе достойное место службы. С собой он берет и Софью, чтобы с помощью ее красоты попытаться завести выгодные знакомства. В Петербурге появление первой красавицы Европы вызвало настоящую панику среди местных примадонн и восторженный переполох среди мужчин. Вскоре слух о Софии де Витт достиг ушей всемогущего князя Потемкина и тот, увидев ее на одном из приемов, немедленно пожелал заполучить красавицу себе. Так в жизни бывшей греческой служанки начался новый этап.

Происходившее далее было весьма цинично, но таковы были нравы эпохи. Представители светлейшего вступили в откровенные переговоры с майором де Виттом относительно его жены. Началась самая настоящая торговля. Де Витт в обмен на жену требовал титул графа и генеральский чин. Потемкин настаивал на полковничьем чине и титуле барона.

Потёмкин незадолго до смерти, апрель 1791 года Художник Лампи Старший, Иоганн Бантист

В конце концов, победил де Витт, став, в обмен на отданную Потемкину жену, и графом, и генералом. Впрочем, Потемкин знал, что делал, так как вместе с мужем получила графский титул и его жена. Отныне бывшая простолюдинка Софья Клаврон стала графиней Софьей де Витт. Мы не знаем, как отнеслась сама Софья к факту своей перепродажи, Впрочем, ее, скорее всего, об этом никто и не спрашивал. Красавица была всего лишь дорогим и модным товаром. Что касается, Потемкина, то он был в восторге от приобретения такого приза и немедленно окружил Софью всеми благами, которые только мог дать. Любовь гречанки князь оценил в два прекрасных крымских имения – Массандру и Симеиз.

В 1787 году в Крыму София была представлена Екатерине II и произвела на императрицу хорошее впечатление. Прекрасно знавшая происхождение Софии де Витт и любвеобильность своего фаворита, императрица никакой ревности к греческой красоте не испытывала. Любопытно, что буквально перед встречей с императрицей, Софья только что вернулась из Константинополя, куда ездила навестить свою сестру, ставшую к этому времени главной женой трехбунчужного пашы Гуссейна, командовавшего турецкой армией на Дунае. Родственные отношения Софьи с высшей знатью Османской порты еще не раз впоследствии сослужат хорошую службу и ей, и ее старшему сыну, и России.

Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке. Художник Владимира Боровиковского, 1794 год

Отметим и то, что Екатерина, не только милостиво приняла Софью, но одарила ее несколькими белорусскими деревнями и целым ворохом драгоценностей. Об истинной причине столь благожелательного отношения императрицы к графине де Витт мы расскажем ниже. Пока же властитель Тавриды щеголял перед всей Европой своей фавориткой как драгоценным трофеем, а Софья, в свою очередь, вполне могла гордиться своей властью над вторым человеком России. Не был печален и бывший муж, которого Потёмкин назначил губернатором Херсона с годовым окладом в 6000 рублей. Так что все участники сделки остались довольны.

С началом русско-турецкой войны в 1787 году, помянутая выше французская портретистка Виже-Лебрен посетила ставку Потемкина и была поражена щедростью его подношений своей возлюбленной: «Ему всё было нипочем, лишь бы удовлетворить желанию, капризу обожаемой им женщины». Влюбленный в госпожу де Витт, он «расточал перед нею самые изысканные любезности. Так, однажды, желая подарить ей кашемировую шаль безумно высокой цены, он дал праздник, на котором было до двухсот дам, а после обеда устроил лотерею, но так, что каждой досталось по шали, а лучшая из шалей выпала на долю самой прекрасной из дам (т. е. госпоже де Витт)».

Об этих празднествах «князя Тавриды», где неизменно царила прекрасная гречанка, имеется ряд характерных свидетельств в воспоминаниях современников. В «Записках Александра Михайловича Тургенева» сообщается, что во время осады Очакова, когда «войско умирало от холода, голода и житья в землянках», князь Потемкин в главной квартире своей, в лагере «давал балы, пиры, жег фейерверки..., куртизанил с... бывшею прачкою в Константинополе, потом польской службы генерала графа Витта женою...» В воспоминаниях об отношении Софии с Потемкиным очень много неправды и откровенных наветов. Причин тому было много: зависть дворянства к богатствам светлейшего князя и его влиянию на императрицу, ненависть женской половине к красоте Софии, и ее головокружительному взлету, и так далее. А потому читая «исторические» измышления об этих двух незаурядных исторических личностях надо к ним всегда относиться предельно критически.

Биограф Софии так написал о ее красоте тех лет: «Со знаменитого портрета, написанного итальянским художником Сальватором Тончи, смотрит на нас из дали трех столетий нежное, почти детское лицо, обрамленное волшебными непослушными волосами. Глаза полны чистоты и какой-то неуловимой прелести. И улыбка чуть-чуть трогает губы, беспомощно и маняще».

Испытывала ли сама Софья какие-то чувства к светлейшему? Ряд фактов говорит, что не только испытывала, но, что именно Потемкин стал ее самой большой любовью в жизни. До самого последнего дня своей жизни она носила на груди медальон с его портретом.

Историки фиксируют, однако, что спустя некоторое время влюбчивый Потемкин охладел к красавице и уже не оказывал ей того внимания, как раньше.

Однако в отношениях Софьи с Потемкиным не все так просто. Разумеется, близкие отношения между графиней и князем, судя по всему, были, но наряду с этим имели место и совершенно иные отношения – политические. Отметим, что Софья, не смотря на свое низкое происхождение, была весьма эрудированна. Об этом говорит хотя бы тот факт, что она знала пять языков: греческий, турецкий, польский, русский и французский. Если прибавить к этому ослепительную красоту, умение обольщать, женскую хитрость и лукавство, то перед нами вырисовывается достаточно четкий образ идеального агента, способного почти открыто работать в высших сферах.

А потому политические отношения между де Витт и Потемкиным мне кажутся более предпочтительными и главенствующими, чем заурядная любовная интрига светлейшего. Давно известно, что Потемкин только внешне казался сумасбродным и капризным сибаритом. На самом деле это было лишь маской, за которой скрывался искусный и тонкий политик, всегда блестяще разыгрывающий свои многоходовые партии. А потому, вполне возможно, что и Софья была нужна светлейшему не только как любовница, а как помощник в его тайных внешнеполитических делах.

Предоставим слово одному из биографов Софьи де Витт: «Красавица, осознав свою власть над миром мужчин, поняла, что теперь больше всего ей нужна свобода. Вернувшись в постылую, жалкую Каменец-Подольскую крепость, родив сына Ивана и похоронив тестя, сделавшись комендантшей, госпожа Витт решила завоевать российскую столицу. Но юная завоевательница была поразительно прозорлива. Она понимала, что не может предстать перед матушкой-императрицей с пустыми руками. Прекрасная путешественница отправилась в Вену, посетила и Стамбул, где пораженный ее красотой, совершенно очарованный с ней мило беседовал французский посол. Он и не подозревал, что его собеседница, почти дитя, внимала с невинным видом каждому его слову, и каждое его слово запоминала... Теперь прелестнице было, что подарить своей государыне-императрице – информацию!

Ее шаги на новом весьма привлекательном поприще оценили – ей были дарованы угодья. Но гораздо более ценным приобретением было то, что ее, Софью, увидели! Теперь ее стали видеть часто в Стамбуле, в Львове, при дворе Станислава Августа. Сам король отдал приказ возмущенному мужу, отчаявшемуся вернуть домой блудную жену. И приказ этот звучал не просто как комплимент женским прелестям мадам Витт: "И не думай оставлять крепость из-за своей жены, твоя жена сама должна возвратиться, доверься ее уму".

Прелестница оказывалась при командующем русским войском Салтыкове, под Хотинном, и пушки молчали лишние три дня, приводя в негодование Потемкина. Сестры встретились. Подруга Салтыкова Софья Витт и супруга турецкого паши приостановили сражение, задержали "викторию" русских. И даже Потемкин унял свой гнев, когда от Салтыкова прибыл к нему в лагерь прекрасный посол...

Фельдмаршал П.С. Салтыков (1730–1805)

С того дня господину Витт за его супругу исправно платил Потемкин, разумеется, в интересах отечества. Муж, предоставленный сам себе, еще не раз убеждался, что очень выгодно вложил те тысячу червонцев, которые он заплатил когда-то за крошку-гречаночку. А мадам Витт теперь уже послом от самого Потемкина отправилась в Варшаву – разузнать о настроениях вечно непокорной польской шляхты. Верная себе, обворожительная Софья, прежде всего, была послом любви. Ее предназначение – завоевывать сердца. Задание Потемкина было выполнено блистательно. В Варшаве в нее без памяти влюбился Потоцкий... О такой добыче русские политики могли только мечтать. Крупнейший помещик, представитель древнего польского рода, яростный защитник интересов независимой Польши».

Если не принимать во внимание обилия лирики в данном отрывке, главное очевидно – Софья де Витт предстает не столько как любвеобильная гетера, сколько как талантливая разведчица. Сразу возникает вопрос: может, именно за это и приблизил ее к себе Потемкин, может именно за успехи в секретных операциях, а не на любовном ложе дарил ей крымские поместья? Может быть, и представляли Софью императрице вовсе не как легкомысленную красотку, а как особо ценного агента? Может быть, и не было вовсе никакого охлаждения в их отношениях, а просто началась новая операция по приобретению для России весьма влиятельного агента влияния в Польше?

Именно поэтому с именем Софьи де Витт связано множество не только любовных, но и политических интриг. Однако Софья была слишком умной, чтобы при этом рисковать своим, с таким трудом, добытым благополучием, а потому, даже интригуя, она всегда стремилась оставаться в тени. Отметим, что Софья наряду с любовью к России, была лишена каких-либо личных политических амбиций. Возможно, решающим фактором для нее работы на Потемкина было единство веры, ведь де Витт была все же гречанкой. Возможно, в этом была еще одна заслуга светлейшего, сумевшего, в перерывах между амурами, заронить в женское сердце любовь к России. Как бы то ни было, но своего старшего сына Иогана Софья именovala дома исключительно Иваном, да и воспитывала с пеленок в любви к России. При этом, видя негативное отношение большинства польской аристократии ко всему русскому и, исходя из своего богатого жизненного опыта, Софья делала все это в тайне от окружающих. Как непроста и как дальновидна была эта женщина! Как много и умело смогла она дать своему сыну! Время покажет, что эти труды не пропали даром.

История с падением крепости вообще Хотин весьма таинственна. Дело в том, что комендантом крепости был муж старшей сестры Софьи де Витт Гассан-паша. При этом турок был настолько влюблен в свою жену, что ради нее отказался от гарема и находился полностью под ее влиянием. Когда наша армия осадила Хотин, там появляется и Софья, которая несколько раз встречалась со своей сестрой. После этого Хотин капитулировал. Вполне возможно, что именно Софья и ее сестра сумели убедить Гассан-пашу в бессмысленности сопротивления. Если это было действительно так, то Софья де Витт спасла сотни жизней русских солдат. Уже заодно это она достойна нашей памяти!

В это время в Польше происходила напряженная внутрисполитическая борьба вечно враждующих аристократических группировок. Правительства Австрии, Пруссии и России готовилось к очередному разделу саморазрушающейся Польши, которая раздираемая склоками шляхты на глазах теряла государственность, превращаясь в неуправляемое бандитское образование. Подготовка к усилению российского влияния в Польше, и прежде всего в ее восточных областях, шла по всем направлениям.

Относительно дальнейшего развития событий существует тоже несколько легенд. Согласно первой официальной, сам Потемкин уступил красавицу безнадежно влюбленному в Софью пророссийски настроенному гетману Станиславу Потоцкому. Причем передача любовницы польскому гетману была не прихотью сумасбродного князя, а тонким политическим расчетом искушенного в закулисных интригах государственного деятеля. По другой версии Софья Витт, якобы, сама бросила надоевшего ей мужа и, видя равнодушие Потемкина, ушла к Станиславу Потоцкому. Были слухи, что гетман уплатил предприимчивому генералу де Витту за право жениться на его жене отступные в размере два миллиона злотых, так что и здесь ушлый голландец не остался внакладе, а Софья стала уже не только графиней, но и гетманшей.

Станислав Потоцкий с сыновьями от первого брака, 1790 год

Из родослова семьи Потоцких: «Йозеф Витте после смерти своего отца сделался комендантом Каменца-Подольского, но к этому времени амбиции Софьи вышли уже далеко за рамки этого города и статуса первой леди Подолья. Она окунулась в вихрь политических интриг, стала доверенным лицом Екатерины II, а чуть позднее разделила ложе с фаворитом императрицы князем Потемкиным. Силой и уговорами Витте заставил жену вернуться в Каменец. Но прекрасная комендантша недолго гостила в собственном доме. Ее новым увлечением стал граф

Феликс-Станислав Потоцкий, к которому она убежала в Варшаву. А в ответ на требование Витте графу Потоцкому немедленно вернуть жену, Софья возвратилась в Каменец с намерением откупиться от мужа. Она переписала на его имя свои белорусские имения, подаренные Екатериной, а также вручила более полумиллиона золотых, выданных ей влюбленным графом. Витте согласился дать ей свободу».

София и Станислав Потоцкий были неразлучны с 1791 года. Оформить же отношения они решили лишь четыре года спустя, уже заведя внебрачных детей. При этом старые цепи Гименя над ними словно не довели. Иосиф не противился бракоразводному процессу, и к январю 1796 года формальности были улажены. К нему отошли белорусские владения бывшей супруги и 150 тысяч злотых. Кроме того, София взяла обязательство выкупить у графа Потоцкого на имя своего первенца Ивана де Витта поместье Грушевский Ключ и передать его экс-супругу на правах пожизненного владения. Самого же пятнадцатилетнего сына Станислав Потоцкий брал на воспитание.

Остановимся на личности нового избранника Софьи де Витт подробнее, ибо он оказал огромное влияние на всю последующую жизнь, как самой Софьи, так и ее еще тогда маленького сына.

Станислав Потоцкий родился в 1752 году на Волыни. Отец его был киевским воеводой, человеком властным, жестоким, с огромным польским гонором. Владения Потоцкого были расположены по всей правобережной Украине, в Краковском и Сандомирском воеводствах, а также на Брацлавщине – Умань, Тульчин, Немиров, Тальное и другие. Наследник влиятельнейшего и богатейшего рода Польши Станислав был настоящим баловнем судьбы, став одним из богатейших польских магнатов, за что и получил прозвище «щенсный», то есть счастливый.

Именно под именем Потоцкого-Щенсного он и вошел в историю. Политическую карьеру Потоцкий-Щенсный начал уже в юном возрасте, когда стал Бельским старостой. Резиденцией огромных владений Станислава Потоцкого с 1775 года стал город Тульчин.

В своей жизни Щенсный достиг немало: маршалок Торговицкой конфедерации, крупнейший тульчинский, браиловский и уманский помещик, воевода Черноморусский, маршал Тарговицкий и генерал коронной артиллерии. Щенсный являлся кавалером российского ордена Александра Невского и обоих польских орденов, а также автором злободневных трактатов: "Вечное бескорольевье", "О наследии трона в Польше" и "Протест против трона в Польше". В 80-х годах XVIII века Щенсный был членом масонской ложи "Великого Польского схода".

Потоцкий в 20 лет. Художник А. Рослина.

Считается, что выстроенный им позднее парк «Софиевка» полон тайных масонских символов.

Пушкинист Л. Гроссман в своем произведении «У истоков бахчисарайского фонтана» пишет, что известный мемуарист «Вигель в своих записках называл фамилию Станислава-Феликса Потоцкого-Щенсного «семейством польских Атридов», не менее преступных, чем их античные прообразы. Он вспоминает по этому поводу историю семьи Борджиа, нравы которой были обычны и в Польше эпохи ее распада, во многом близкой к средневековой Италии с ее вожделениями и злодеяниями. Он называет третью жену Станислава-Феликса, т. е. Софью Витт «новой Федрой» затмившей... знаменитую героиню Эврипида и Расина».

Разумеется, «преступность» семьи Потоцких, заключающаяся на самом деле лишь в их русофильстве, не такой уж большой грех, по крайней мере, не хуже прозападности других семейных польских кланов.

Сегодня польские историки дружно не любят Потоцкого-Щенсного, не без оснований, считая его преданным сторонником России, а потому и изменником независимой Польши. Поэтому, читая характеристики, даваемые современными польскими историками Щенсному, надо понимать их необъективность и предвзятость.

До сих пор в польских учебниках истории значится, что ценой присоединения Польши к российской империи Екатерины II, якобы, стала красавица-гречанка Софья Витт. Свидетельствует польский биограф: "У нас в руках почти доказательство того, что мадам Витт выступила здесь в роли политического агента, кокетством склоняя колеблющегося Потоцкого принять предложение "северной союзницы". На человека с небольшим умом слишком много было расставлено здесь сетей... а тут еще самая красивая женщина, ангел или сатана во плоти, вешается ему на шею, нашептывая сладкие слова любви, и, со свойственной восточным наукам образностью, рисует ему будущее счастье его отечества, а его самого в этом отечестве – первым гражданином, может быть, королем, которого благословят подданные".

Деталь картины Яна Матеико. Потоцкий изображён двурушником, затаившим мысль об измене родине.

При всем уважении к Софье де Витт и ее красоте, все же наивно полагать, что Польша обошлась России столь дешево, и все было так просто.

Как бы то ни было, но именно маршал конфедерации вельможный пан Станислав Феликс Потоцкий подписал акт конфедерации, решив судьбу Польши, что означало полный передел ее границ и ввод русских войск для поддержания порядка. Польша потеряла свою независимость, которую, впрочем, не слишком и стремилась в тот момент отстаивать. На церемонии подписания акта конфедерации присутствовала и одна из виновниц сего исторического события Софья де Витт.

Вот одна из типичных польских биографий Щенсного: «Окружённый с детства гувернёрами, Станислав так и не смог одолеть вершины никаких наук в силу тупоумия. Во время эпидемии холеры Станислав был отправлен в путешествие. 18-летний юноша встретился с дочерью помещика Комаровского – Гертрудой. Девушка была хорошо воспитана, начитана, умна, довольно красива. Между молодыми людьми завязался роман. Визиты участились. Гертруда забеременела.

Родители Гертруды склонили Потоцкого к женитьбе. Состоялось тайное венчание пары. Но "тайна" разнеслась по всей округе. Разгневанный граф заставил сына разорвать этот брак, а с Гертрудой решили жестоко расправиться. Ватага казаков под видом грабителей напала на дом Комаровских и схватили Гертруду. Потоцкие планировали упрятать её в монастырь, но по дороге встретился обоз чумаков и чтобы заглушить крик Гертруды, бандиты набросили на неё подушки, под которыми она и задохнулась. Труп выбросили в прорубь. Весной он всплыл, родители подали в суд, но кто мог тягаться с могущественным родом Потоцких! Станислав потрясён. Родители отправляют сына за границу. Но пробыл там недолго, ибо почти одновременно ушли из жизни его отец и мать. Так Станислав стал единственным наследником несметных богатств.

Гертруда Комаровская

Станислав стал мужем Жозефины-Амалии Мнишек, представительнице древнего аристократического рода. Жили в Тульчине. За 23 года супружества она родила 11 детей: 7 дочерей и 4 сына, но не все от Потоцкого. Станислав в политике разбирался слабо, поддавался под чужое влияние. Оказался на стороне вражеской оппозиции, был отвергнут друзьями и покончил с политической деятельностью. В Яссах он познакомился и увлёкся Софией. Красавица пустила в ход все свои чары. Жозефина всё узнаёт, но не придаёт этому особого значения. Но вот появляется в Петербурге муж и просит развод, на что она не соглашается. Софии тоже не удалось расторгнуть свой брак. Влюбленные уезжают в Гамбург. Здесь их тоже встретило общественное презрение. Появилась нужда и в материальных средствах, так как Жозефина прекратила высылать деньги. По величайшему разрешению царицы "семья" возвращается на родину. Но Витт не расторгает брак, как и Жозефина. Положение нелёгкое, имеется двое детей от Потоцкого (Константин, Николай). София пишет письма, в которых заверяет в своей любви и верности, ловко играя на чувствах мужа. В них ложь, лицемерие. Ей уже 36 лет. Она едет в Умань, чтобы не потерять Потоцкого.

Более двух миллионов злотых пришлось заплатить Витту за Софию, за то, чтобы 17-летний брачный союз между Софией и Юзефом был расторгнут. Это был 1796 год. Но вымогательством Витт продолжал заниматься до конца своих дней. Жозефина продолжала упираться. Обосновавшись в Тульчине с Софией, Потоцкий продолжал удовлетворять все её прихоти. В это время и был задуман парк в дар Софии. Руководителем строительства парка был назначен военный инженер Метцель. Он разработал оригинальный художественно-архитектурный комплекс парка в пейзажном стиле».

Однако с уникальным парком у Софии были связаны не только прекрасные воспоминания первого периода жизни с Потоцким, но и трагические. Под усечённой Колонной Печали в парке были похоронены трое детей: Константин, Гелена и Николай, которые умерли почти одновременно во время эпидемии. В 1798 году София родила Александра. При этом ей было над чем задуматься: несмотря на все усилия, ей никак не удалось стать законной женой Потоцкого, которая упорно не давала развода неверному мужу. Помог в этом старший сын Потоцкого и Юзефины – Юрий, который не утруждал себя никакими науками, занятиями и делами. Он служил при дворе в Петербурге и вёл откровенно разгульный образ жизни.

Юзефина Амалия Потоцкая с дочерью Пелагеей

Бесконечные долги покрывались из отцовских доходов. Когда на этой почве между сыном и отцом возник серьёзный конфликт, Софья сумела примирить отца с сыном и обеспечить последнему необходимое денежное содержание. Впрочем, все это сделала Софья не бескорыстно, взамен дотации, сын уговорил свою мать согласиться на развод. В утешение для брошенной жены гетман добился ей ордена святой Екатерины первой степени и звания статс-дамы императорского двора. Что ж, и здесь Софья оказалась на высоте. В 1798 году 23-х летний брак между Юзефиной и Потоцким был окончательно расторгнут. В этом же году в предместье Тульчина София обвенчалась со Станиславом, став отныне графиней Потоцкой.

Пушкинист Л.Гроссман в своей книге «У истоков бахчисарайского фонтана» пишет о Софье де Витт весьма неприязненно: «Понемногу она (Софья – В.Ш.) сумела вступить и в политические комбинации своего всевластного покровителя. Это было время, когда Потемкин приступил к осуществлению своего грандиозного «греческого проекта», т. е. восстановления на территории низложенной Турции византийского царства с императором из дома Романовых. Софья Витт была по происхождению фанариоткой. Так назывались потомки знатных греческих фамилий, избежавшие истребления при завоевании турками Константинополя и поселившиеся в предместье Фанаре на берегу Золотого Рога. Известные своими знаниями, энергией и изворотливостью, фанариоты были вскоре привлечены оттоманским правительством на государственную службу, где занимали посты драгоманов Порты и господарей дунайских княжеств. Новая подруга Потемкина могла служить ему и для осуществления замысла его политической деятельности. Вскоре она стала исполнительницей его тайных политических поручений и по другому важнейшему заданию тогдашней российской государственности – переустройству распадавшейся Польши. В момент, когда русское правительство было заинтересовано в привлечении на свою сторону одного из крупнейших деятелей Речи Посполитой – магната и коронного гетмана Станислава-Феликса Потоцкого-Щенского, к нему была направлена в Варшаву на сейм 1788 года Софья Витт. С первой же встречи этот претендент на польский престол оказался одновременно у ее ног, и в русле петербургской политики. После Тарговицкой конфедерации и третьего раздела Польши Потоцкий-Щенский был вынужден во время восстания Костюшко оставить родину.

Станислав Щенсный Потоцкий

Зато он получил от царизма чин генерал-аншефа русской службы. После долголетнего матримониального торга он выкупил у Иосифа Витта его жену за два миллиона польских злотых. Но обвенчаться с нею Потоцкий всё же не мог, так как его законная жена Жозефина-Амалия Мнишек-Потоцкая, известная художница итальянской школы, не давала мужу развода. Только в начале 1798 года она скончалась. А уже в апреле Софья Витт была обвенчана со своим долголетним возлюбленным. Уличная девочка стамбульских окраин стала обладательницей несметных богатств знаменитого польского рода».

Из трудов польского историка: «Счет Потоцкому предъявила Польша – он не мог вернуться в Варшаву, там бы его встретили как вероломного изменника. Второй счет пришел от Витта, пришел и третий... Этих счетов супруга, понявшего свою прямую выгоду, было много. Их оплатила Россия. Граф Потоцкий со своей возлюбленной был обречен испытать горечь презрения и изгнания. От пана отвернулись друзья. В роскошном особняке в Тульчине, затем в Гамбурге они переживали почти что ссылку, почти что заточение. Супруга Потоцкого Юзефина, урожденная Мнишек, обратилась к Екатерине с жалобой на презренную развратницу. Императрица якобы угрожала Софье монастырем, но помнила услуги мадам... От угроз Екатерины Потоцкие благополучно укрылись в роскошном гамбургском дворце. Но и там их настигли новые и новые угрозы, уже реальные. Пану грозило разорение – имения были оставлены без присмотра. Пан отправился к русскому двору. Велика цена за ясные глаза коханой! Но столь же велико было желание сделать ее ясновельможной пани Потоцкой. Но Юзефина не давала развод, и граф Витт был упрям. Пан торговался с графом. Шел великий торг. И в очередной раз выиграла Софья и любовь! За польские червонцы Потоцкий купил ей свободу! Через два года смерть взяла к себе непреклонную Юзефину и освободила пана. Для его коханой, для нового брака и нового горя. Они обвенчались.

Софья Потоцкая Художник И. Б. Лампи, 1790-е годы

В маленькой бедной церкви, почти без свидетелей и без свадебного пиршества, без гостей и церемоний. Мадам Витт стала Софьей Потоцкой – одной из самых богатых женщин, одной из самых любимых женщин, одной из самых роковых женщин. Софье Потоцкой ее возлюбленный, ее пан, ее законный супруг, подарил тот знаменитый сад среди камней возле маленькой речки, сделавший ее имя легендой. Из Крыма, из Италии, из теплых стран – дальних земель привозили сюда прямо с заморской землей дивные растения. Зеркальные озера, водопады, чистые ручьи несли свою влагу, питая корни бесконечных цветников. В этом сказочном саду Софья Потоцкая могла почувствовать себя повелительницей маленького Версаля, Китая, Древней Эллады или султаншей, сказочной Шахерезадой. Здесь в свой день рождения, в 1800 году, неувядаемо ослепительная 35-летняя Софья Потоцкая вышла к гостям греческой богиней, Венерой. За 50 стихов гимна, воспевающего красоту пани, Потоцкий заплатил поэту 2000 золотых червонцев, в два раза больше, чем майор Витт французскому послу за крошку-гречаночку».

После долгожданной свадьбы Потоцкие предались неуёмному веселью и развлечениям. В залах Тульчинского дворца не умолкала музыка, балы, маскарады, увеселительные прогулки. Жозефина умерла. Единственным из детей Потоцкого вполне искренним другом Софии был Юрий, который поселился в Тульчине, так как был разжалован государем Павлом I и выслан из Петербурга за разгульный образ жизни.

От брака с Потоцким Софья имела еще двух детей двух дочерей – погодков Софью и Ольгу. Как известно гетман велел назвать одну из дочерей в честь своей супруги. Дочери гетмана от брака с Софьей де Витт – одни из героинь нашего повествования.

Уже в отрочестве Софья и Ольга считались признанными красавицами, хотя современники и считали, что Потоцкий несколько "подпортил" породу, и дочери даже в расцвете юности проигрывали рядом с ошеломляющей красотой своей матери. Девочки получили прекрасное образование и их готовили для замужества на первых вельможах Российской империи, а потому, как и Иоганн де Витт, Софья и Ольга воспитывались с любовью к России и ко всему русскому. Едва девочкам минуло шестнадцать, как они были привезены в Санкт-Петербург и представлены высшему свету. Красота, юный возраст, прекрасные манеры, ум и богатство отца привлекли к сестрам самое пристальное внимание потенциальных женихов, и в поклонниках у сестер Потоцких недостатка не было. Однако окончательный выбор будущих мужей

для дочек оставил за собой отец. И с Ольгой, и с ее сестрой Софьей нас ждет еще впереди немало интересных встреч.

В начале пути

О точном месте рождения Иоганна де Витта данных нет. В биографии нашего героя сказано лишь то, что он родился во время заграничного путешествия супругов и год его рождения – 1781. Учитывая, что большую часть времени супруги де Витт провели в Париже, скорее всего, именно там и появился на свет появился их сын. В 1782 году супруги возвратились в Каменец, где и прошло детство Иоганна.

После разрыва матери с Иосифом де Виттом Иоганн остался с матерью, хотя во время ее знаменитого романа с Потемкиным жил при гувернере и няньках. Известно, что Софья де Витт тайком от отца перекрестила в Херсоне своего сына из католиков в православную веру. Отныне бывший Иоганн стал Иваном. Когда Софья де Витт вышла замуж за Щенского, она немедленно забрала сына к себе. У отчима с пасынком сложились хорошие отношения, и гетман заботился об Иване как о родном сыне. Впрочем, жизнь Ивана в имение Потоцкого продолжалось всего несколько месяцев. Дело в том, что едва после третьего и окончательного раздела Польши, Варшава надолго стала российским городом, а потому вся польская аристократия сразу же кинулась искать счастья и карьеры у порога петербургских дворцов. Не стала здесь исключением и семья гетмана Потоцкого. 17 февраля 1792 года десятилетний Иван де Витт был записан в военную службу со званием корнета, оставаясь при этом жить с матерью.

К Ивану де Витту применимо все то, что писал по этому вопросу историк Болотов в 1875 году, основываясь на мемуарах XVIII века: "Иногда малейшие дети включались в действительную службу, и чтоб им почти от рождения шло старшинство, и чтоб можно было, через происки, потом самих ребятишек брать в выпуск капитанами. Что же касается до взрослых, то и из них большая часть вовсе не служила, а все жили по домам и либо мотали, вертопрашничали, буянили, либо с собаками по полям только рыскали, да выдумывали моды и разнообразные мотовства; однако, не смотря на то, еще скорее доставали себе либо поручичьи, либо капитанские чины, и, будучи сущими ребятишками и молокососами, выпускаемы в сих чинах в армейские полки, перебивали у действительно служащих линию и старшинство". Было таких офицеров нажаловано столько, что "не знали, куда с ними деваться...".

Одновременно с Иваном был записан корнетом в гвардию и его сводный брат Станислав Потоцкий.

В августе 1796 года Софья Витт-Потоцкая привезла пятнадцатилетнего Ивана в столицу. К этому времени его отец получил графское звание, которое унаследовал и сын. Именно тогда де Витт официально меняет свое имя с Иоганна на Ивана, а по отцу решает именоваться не Иосифовичем, а Осиповичем. Так в российской столице появляется молодой граф Иван Осипович де Витт, прибывший делать карьеру в гвардии.

Молодой граф был принят на службу в Конногвардейский полк. Для этого у него были все данные: хороший рост, отличная выправка, и, что особо важно, немалые средства, которые были непременно нужны, чтобы быть настоящим конногвардейцем, то есть достойно содержать себя и вести соответствующий образ жизни. В 1796 году вместе с полком де Витт участвует в траурных церемониях при кончине императрицы Екатерине Второй.

До 1796 года лейб-гвардии Конный полк был единственным регулярным кавалерийским полком в русской гвардии. В большинстве источников отмечается, что впервые полк участвовал в боях лишь в 1805 году. Однако это заблуждение. Первое участие в боевых действиях Конный полк принял еще в 1737 году, когда три из десяти эскадронов полка сражались при взятии Очакова и в битве при Ставучанах в ходе русско-турецкой войны 1737–1739 годов.

В павловскую эпоху лейб-гвардии Конный полк имел обмундирование, вооружение и конный убор по образцу армейских кирасирских полков. По воинскому уставу 1796 года и

табелю от 1798 года де Витту были положены: перчатки, треугольная шляпа с султаном, плащ, фуражная шапка, китель, палаш с темляком, португез, ташка, кушак, кираса (окрашенная в черный цвет), карабин, погонная перевязь, лядунка и пара пистолетов, колет из палевой кирзы, с застежкой на крючках, суконный камзол, белые лосины и высокие ботфорты с накладными шпорами.

Год 1796 занимает особое место в российской истории. Со смертью Екатерины Второй заканчивается «золотой век дворянства», а заодно с ним и период женских царствований в России. Павел Первый сразу же начал свое царствование с наведения порядка в собственной гвардии, которая при его матушке жила весьма вольготно и настоящей службой себя не слишком утруждала.

Уже 29 ноября 1796 года, то есть через три недели после воцарения Павла, появились воинские уставы о конной и пехотной службе. Положение гвардии переменялось разительно. Полковой адъютант Измайловского полка Е. Комаровский так писал о тех днях: «Образ жизни наш, офицерский, совершенно переменялся. При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера сидели на полковом дворе и учили нас всех, как рекрутов». Непривычные, невиданные ранее тяготы службы вызвали массовые отставки.

Историк пишет: «Неродовитые, разумеется, в сравнении с петербургскими, офицеры, среди которых было много выходцев из Германии, Курляндии, Украины (именно к последним относился и корнет де Витт – В.Ш.), делали зачастую более быструю и значительную карьеру, чем гвардейские старожилы. Всеобщее презрение вызывали новые уставы. В первую очередь за их сходство с прусскими уставами... Введенные Павлом изменения в армии, вплоть до нового мундира, провоцировали раздражение и озлобление».

После введения новой прусской формы и ужесточения дисциплины, в течение первых нескольких недель около семидесяти офицеров-конногвардейцев оставили полк. Из ста тридцати двух офицеров, бывших в Конногвардейском полку в 1796 году, лишь двое остались в нем к марту 1801 года. Фактически полк был развален, и его предстояло формировать заново. Честно говоря, Ивану Витту, который только что поступил на службу, и не вкусил всех прелестей старой гвардейской жизни, просто не с чем было сравнивать свою только что начавшуюся службу. А потому никаких оснований для ухода со службы у него не было, кроме того, сделать такой опрометчивый шаг ему не разрешила бы ни мать, ни отчим. Из-за того, что в Конногвардейском полку демонстративно покинули службу более половины офицеров, там сразу же освободилось много вакансий, которые заполнялись из других полков. Павел Первый был весьма зол на покинувших полк фрондеров, но одновременно весьма благосклонен к тем офицерам, кто остался в нем служить.

К чести гетмана Потоцкого-Щенского, он весьма неплохо относился и к своему приемному сыну Иогану Витту. По крайней мере, денег на его образование и карьеру не жалел. Немалые деньги выделял сыну и его отец граф де Витт. Молодой граф получил неплохое образование, в совершенстве знал основные европейские языки: русский, польский, французский, голландский, немецкий, греческий и даже турецкий, что весьма пригодилось ему в дальнейшем. Заслуга в изучении языков всецело принадлежала его матери. Сама, будучи весьма одаренной к изучению иностранных языков (по некоторым сведениям Софья Витт – Потоцкая знала до семи европейских языков), она сумела обучить им и своего старшего сына. Кроме этого, с юных лет де Витт был введен матерью и отчимом и в высшие круги польской аристократии, где обрел множество полезных знакомств, а потому вполне мог рассчитывать на прекрасное будущее.

Из воспоминаний польского князя Л. Сапеги: "Отец Витта был голландцем, состоявшим на службе Речи Посполитой и комендантом Каменец-Подольска, который он сдал русским. Мать была гречанкой, вышедшей впоследствии вторично замуж за Потоцкого (Щенского) и

славилась своей красотой. Я знал ее уже старой и некрасивой. Еще юношей Витт поступил на службу в русскую гвардию кавалергардом. Бывая часто в Тульчине у матери, он говорил польски, как поляк и среди поляков старался прослыть поляком".

А служба в Конногвардейском полку при Павле Первом действительно была нелегкой. Парады и дежурства, караулы и маневры сменяли друг друга постоянно. Помимо этого много времени и нервов отрывали ежедневные разводы и вахтпарады. Император лично участвовал во всех разводах и вахтпарадах гвардии, мельчайшие стороны армейского быта не ускользали от его пристального и пристрастного, внимания. А новшества сыпались на гвардейских офицеров каждый день.

Гвардия и армейские полки вскоре получили новый мундир по прусскому образцу, штиблеты, парик с буклями и косой и прочее. Павловский мундир, в отличие от екатерининского (стоил 122 рубля), стоил не более 22 рублей. Меховые шубы и дорогие муфты были запрещены вовсе. Под мундир разрешалось надевать фуфайки или подбивать его мехом. Новый воинский устав запрещал офицерам делать долги, занимать деньги и товары в кредит. В противном случае полковой командир обязан был уплатить долг, вычитая деньги из офицерского жалованья. Если долг оказывался слишком большим, офицера надлежало посадить под арест, а все его жалованье поступало кредиторам и заимодавцам. Все эти полезные меры вызывали резкое и однозначное неприятие со стороны гвардейцев.

Конногвардейский полк получил, по воспоминаниям Саблукова, "... новый походный мундир коричневого цвета, а вицмундир кирпичного цвета и квакерского покроя". Что касается дисциплины, то "офицеры гвардии за проступки теперь легко могли быть подвергнуты аресту, и никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания".

На изменении настроений в армии сказалась, прежде всего, возросшая тяжесть службы. Один из офицеров гвардии того времени впоследствии вспоминал: «Служба при Екатерине была спокойная: бывало, отправляясь в караул (тогда в карауле стояли бессменно по целым неделям), берешь с собой и перину с подушками, и халат, и колпак, и самовар. Пробьют вечернюю зорю, поужинаешь, разденешься и спишь, как дома. Со вступлением на престол Павла служба сделалась тяжелая, строгая...». Теперь каждый офицер персонально отвечал за свое подразделение: бесконечные смотры и вахтпарады, контролировавшие выучку солдат, могли закончиться неприятностями вплоть до ареста и исключения из службы. Прекратились тянувшиеся годами отпуска офицеров. Было покончено с практикой записи дворянского недоросля в полк, когда к своему совершеннолетию он достигал уже офицерского чина. Таких дворянских детей, числившихся в армии, регулярно получавших чины и награды, но реально не служивших офицеров было исключено со службы более полутора тысяч человек. Можно сказать, что де Витту сильно повезло, и он был одним из последних дворянских отпрысков, кто успел воспользоваться старым законом и просидеть четыре года дома в корнетском чине.

Служба в Конногвардейском полку у де Витта протекала вполне успешно. Уже в августе 1798 году он был произведен в подпоручики. Следующий 1799 год вообще стал для восемнадцатилетнего офицера звездным. В апреле его производят в поручики, а в октябре уже в штаб-ротмистры. Думается, что здесь сыграла свою роль и знаменитая фронда конногвардейских офицеров. Некомплект офицерского состава полка надо было срочно ликвидировать и толковую молодежь активно продвигали вперед. Одновременно был переведен в полк и ряд армейских офицеров, для которых этот перевод был огромной удачей в жизни. Эти меры привели к тому, что вчера еще самый оппозиционный полк гвардии стал одним из самых преданных императору.

Разумеется, стремительный рост в чинах трудно объяснить какими-то выдающимися достоинствами семнадцатилетнего графа. Вполне возможно, что Витт отличился на каком-нибудь очередном вахтпараде и был отмечен императором Павлом Первым, который прямо

на месте производил отличившихся и карал провинившихся. Однако, скорее всего, причина крылась совсем в ином. Павел Первый был крайне заинтересован в лояльности польской аристократии.

С момента русско-польской войны 1792 года прошло совсем немного времени и старые обиды поляков были еще очень свежи. Как мы уже знаем, Потоцкий-Щенстный являлся, как раз, лидером прорусской партии, поэтому в Петербурге его ценили особо. Стремительная карьера пасынка вполне могла и быть одним из знаков признательности российского императора к отчиму. Кроме этого, весьма вероятно, что не осталась в стороне от карьеры сына и его мать Софья, которой не составляло особого труда уговорить любящего мужа отписать в столицу письмо с просьбой о производстве пасынка в очередной чин. Разумеется, отказать Потоцкому в такой малости Павел Первый тоже не мог.

В январе 1800 года Витта внезапно переводят из Конногвардейского в Кавалергардский полк. Почему? Полки того времени представляли собой достаточно замкнутые сообщества со своими традициями и правилами, а потому переходы офицеров из полка в полк были делом не частым.

История кавалергардов начиналась с коронации императрицы Екатерины I в 1724 года, когда в качестве ее почетной стражи был сформирован Кавалергардский корпус.

Павел I Петрович

С течением времени это формирование, комплектовавшееся из представителей знатных российских фамилий, видоизменялось, распускалось и образовывалось снова. Главной задачей кавалергардов была охрана дворцов и царствующих особ. Но новый император посмотрел на это дело иначе. Уже 11 января 1800 года Павел I переформировал Кавалергардский корпус в 3-х эскадронный лейб-гвардии Кавалергардский полк, на одинаковом положении с другими гвардейскими полками, причем без сохранения привилегии набора солдат исключительно из дворян. Отныне бывшие преторианцы становились обыкновенным конным полком, хотя и гвардейским. Это сразу же вызвало демарш старых кавалергардов, которые демонстративно коллективно начали выходить в отставку, как ранее сделали их товарищи конногвардейцы. Освободившиеся вакансии были немедленно заполнены офицерами других гвардейских полков. В число таковых попал и де Витт. Чтобы в кратчайшие сроки создать из кавалергардии нормальный полк, помимо офицеров Павел I лично отобрал из лейб-гвардии Конного полка

7 унтер-офицеров, 5 трубачей, 249 рядовых. Их присоединили к прежним кавалергардам. Так собственно и возник Кавалергардский полк. Почти одновременно командиром всей гвардейской кавалерии был назначен граф Пален, он же занял и пост инспектора тяжелой кавалерии.

Одновременно вместе с рядом других офицеров, доказавших свою преданность, Павел Первый вскоре награждает де Витта орденом святого Иоанна Иерусалимского, одной из наград учрежденных им, как магистром Мальтийского ордена. За что получил награду де Витт нам неизвестно. Вполне возможно, что это было сделано опять же в угоду отчиму. Но может быть, дело было не только в этом. Разумеется, никаких воинских подвигов за графом пока не было, зато он честно и старательно служил. На фоне массовой гвардейской оппозиции для Павла это уже значило немало. Как бы то ни было, но император лично знал молодого графа де Витта, следил за его службой и, несомненно, благоволил к нему.

Переформирование Кавалергардского полка Павлу Первому до конца завершить так и не удалось, и подавляющая часть кавалергардских офицеров, помнивших свои недавние дворцовые привилегии и веселую беззаботную жизнь, были, по-прежнему, настроены к императору откровенно враждебно. Прямо противоположная ситуация сложилась в Конногвардейском полку, где все оппозиционеры были уже изгнаны, а вновь прибывшие офицеры полностью поддерживали императора. Именно поэтому к чести конногвардейцев из всей гвардии только офицеры этого полка не оказались замешанными в убийстве Павла I.

Константин Павлович Дж. Доу

11 марта 1801 года эскадрон лейб-гвардии Конного полка, которым командовал полковник Саблуков, должен был выставить караул в Михайловский замок, где проживал император Павел со всем семейством. Полк имел во дворце внутренний караул, состоявший из 24 рядовых, трех унтер-офицеров и одного трубача. Он находился под командой офицера и был выстроен в комнате, перед кабинетом императора, спиной к ведущей в него двери. Дежурным по караулу в этот день был корнет Андреевский.

Через две комнаты был расположен другой внутренний караул от гренадерского батальона Преображенского полка под командованием подпоручика Марина. Главный караул во дворе замка (а также наружные часовые) состоял из роты Семеновского полка. За день до этого по совету графа Палена (стоявшего во главе заговора), обвинившего конногвардейцев в "яко-

бинстве", император удалил все эскадроны Конного полка (кроме эскадрона полковника Саблукова) из столицы.

Согласно выработанному заговорщиками плану, сигнал к вторжению во внутренние апартаменты дворца и в кабинет императора должен был дать адъютант гренадерского батальона Преображенского полка Аргамаков, которому, в свою очередь, должен был дать сигнал командир кавалергардов генерал граф Уваров, который в качестве доверенного генерал-адъютанта Павла Первого, был дежурным во дворце в ночь с 11 на 12 марта.

Подпоручик Марин (будущий поэт), командовавший внутренним пехотным караулом, удалил верных императору гренадер Преображенского лейб-батальона. Верный императору полковник-конногвардеец Саблуков по приказу Великого Князя Константина Павловича также был отозван из дворца и назначен дежурным полковником по полку.

«Его величество император Константин Первый»

Семеновцы заняли все подходы к дворцу и все его внутренние коридоры и проходы. Сигнал был подан, пьяные заговорщики (братья Зубовы, генерал Бенигсен и другие) ворвались в комнату императора, а затем Скарятин, офицер лейб-гвардии Измайловского полка, снял висевший над кроватью собственный шарф императора и задушил его. Когда в комнату ворвались конногвардейцы, было уже поздно...

На следующий день под прикрытием кавалергардов во дворец прибыл великий князь Александр Павлович. Нижние чины и офицеры лейб-гвардии Конного полка отказались присягать Александру, лишь только когда им был показан труп Павла, присяга состоялась. Первые дни после воцарения нового императора офицеры Конного полка держались в стороне и с таким презрением относились к заговорщикам, что произошло несколько столкновений, окончившихся дуэлями.

Что касается де Витта, то он в перевороте, никакого участия не принимал. В известных на сегодня списках заговорщиков его фамилии никогда не было. Да и не имел граф никаких личных причин за что-то таить обиду на своего императора.

Кроме этого следует отметить следующее. Для кавалергардов де Витт был чужаком, присланным к ним для «оздоровления» из Конногвардейского полка, с которым у кавалергардов давно были весьма натянутые отношения. К моменту переворота де Витт находился в Кавалер-

гардском полку всего три месяца и за это время, разумеется, еще не смог стать своим. Кроме этого, как известно конногвардейцы считались (и на деле оказались) единственно до конца верными Павлу Первому, тогда как кавалергарды, наоборот, были в первых рядах убийц императора. Думается, что служить в кавалергардах де Витту было нелегко и морально. Вряд ли у него было там много друзей, так как большинство офицеров полка считали его любимчиком Павла и относились соответствующе.

Однако, как не странно, но государственный переворот пошел де Витту на пользу. Уже 6 марта его снова производят в новый чин, на сей раз в ротмистры. Здесь, опять же, по-видимому, сыграли роль сразу два фактора.

Во-первых, в те дни получила повышения в чинах сразу большая группа гвардейских офицеров, причем, как принимавших непосредственное участие в перевороте, так и не принимавших. Новый император, таким образом, «рассчитывался» с гвардией за услуги по занятию трона.

Во-вторых, дав де Витту новый чин, Александр Первый сигнализировал его отчиму, что, российская власть, по-прежнему, благосклонна к нему и ценит своего польского союзника. А награды продолжали сыпаться на молодого кавалергарда как из рога изобилия. В октябре этого же 1801 года всего на двадцатом году от рождения де Витт производится в полковники и принимает под команду самый элитный и престижный 1-й эскадрон Кавалергардского полка. И все это, не участвуя ни в одном сражении, и не покидая Петербурга! Принимая во внимание и влияние Потоцкого-Щенсного, и старания матери, все же думается, что и сам Иван де Витт служил по-прежнему достаточно прилежно и старательно.

Биографы де Витта немного знают о его первых петербургских годах. Думаю, что не буду далек от истины, если предположу, что молодой красивый полуполяк-полугрек с прекрасным знанием французского языка и с прекрасными артистическими манерами, умный и легкий по характеру, при этом еще и очень богатый был желанным гостем всех великосветских салонов и балов.

В кавалергардском полку существовала давняя традиция отмечать производство офицеров в новый чин своеобразным способом. Герой торжества нанимал похоронный катафалк, на который устанавливался гроб, доверху заполненный бутылками с шампанским. Вокруг гроба торжественно рассаживались участники праздника и начинали хором распевать похоронные песни, не забывая при этом опустошать содержимое гроба. Катафалк, тем временем, объезжал весь город. Периодически он останавливался, и тогда развеселые офицеры заставляли зазевавшихся прохожих пить вместе с ними. У нас нет информации, что де Витт участвовал в подобных мероприятиях. Однако у нас нет и никаких данных, что он в поездках на катафалке не участвовал.

Скорее всего, де Витт, как и всякий уважающий себя молодой кавалергард, веселился наряду со своими товарищами, восседая у гроба забитого льдом и шампанским и распевая печальные псалмы под грохот вылетающих пробок.

Однако обстоятельства заговора гвардейских офицеров против императора и его ужасная смерть, вне всяких сомнений, потрясли молодого де Витта. Он просто не мог не задуматься над тем, как легко горстка мятежников может переменить власть в такой великой державе как Россия. Мы уже никогда не узнаем, о чем именно думал молодой граф, но о выводах его раздумий можем определить с определенной уверенностью – государственная власть должна уметь защищаться от подобных заговоров, и для этого нужны особые специально подготовленные люди. Как знать, может быть, именно после смерти императора Павла и начала выкристаллизовываться идея де Витта о секретной службе, действующей во благо России и стоящей на защите императора...

Но и это не все. Мы не знаем всех обстоятельств непринятия участия в заговоре против императора молодого де Витта, но именно тогда кавалергардский ротмистр на деле продемон-

стрировал свою безграничную преданность российскому престолу. Разумеется, на словах эту преданность демонстрировали все офицеры гвардии. Что касается де Витта, то он ее доказал, причем в самый критический момент, в то время, как для большей части гвардии участие в мятеже казалось не только и не столько благом для России, как возможностью обеспечить себе карьеру при новой власти.

Отметим, что достойное поведение де Витта не осталось незамеченным представителями правящей фамилии, и было оценено по достоинству. Причем оценено не только вдовой покойного императора, но, как это, быть может, на первый взгляд покажется странным, и вступившим на престол Александром Первым. Последний прекрасно разбирался в людях, и преданный династии офицер был ему значительно ближе, чем те, кто ради карьеры только что поднялись на мятеж против его отца, а потом, как знать, быть может, при определенных обстоятельствах выступят и против него. Увы, но во все времена по настоящему преданных людей не так уж и много.

Повторюсь, что никакой информации о конкретном поведении де Витта во время мятежа у нас нет, слишком не значительной был он тогда фигурой, чтобы попасть в анналы истории. Но то, что из офицеров, не участвовавших в заговоре, Витт был выделен особо, наводит на определенные предположения. По авторской версии молодой ротмистр вполне мог узнать о затеваемом свержении Павла Первого от проговорившихся офицеров кавалергардов, а узнав, предпринять попытку известить императора, а может и наследника о готовящемся перевороте, однако это ему не удалось. Возможно, де Витт был изолирован сослуживцами. И хотя, повторюсь, никаких исторических доказательств этому нет, но последующие события в целом делают данную версию весьма правдоподобной.

Как бы то ни было, но отныне между Романовыми и де Виттом начинаются скрытые от большинства глаз особые отношения, отношения, которые во многом определяют его дальнейшую судьбу и продлятся до последних дней нашего героя. Но все это будет еще впереди, а пока жизнь и служба продолжались.

После событий 1 марта 1801 года де Витт недолго командовал своим 1-м кавалергардским эскадром. Уже в сентябре 1802 года его переводят в лейб-кирасирский ее величества полк, где он так же принимает под свое начало эскадрон. Кирасиры ее величества, хоть и пользовались правами гвардии, но к старой гвардии, как кавалергарды, уже не относились. Впрочем, это в известной мере компенсировалось тем, что шефствовала над полком лично вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Истинные причины перевода де Витта в лейб-кирасиры мне не известны. Предположу, что одной из таковых могло быть хорошее в прошлом отношение к де Витту со стороны Павла Первого и, как мы уже говорили выше, его достойное поведение во время мятежа. Зная об этом, вдова императора и пожелала видеть в полку своего имени офицера, к которому в свое время благоволил ее покойный супруг, и который доказал свою преданность в кровавых событиях 1 марта. В пользу этого предположения говорят следующие факты. Уже через несколько дней после смерти Павла Первого его вдова Мария Федоровна обратилась к Александру I с намерением удалиться в Павловск.

Портрет вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны

Тот спросил у нее, кого она хотела бы видеть в качестве своей охраны. Императрица отвечала: "Я не выношу вида ни одного из полков, кроме Конной гвардии". Тем самым она подчеркнула свою любовь к офицерам конногвардейцам, оставшимся до конца верными ее мужу. Что касается де Витта, то он, хотя и носил мундир кавалергарда, но по своему настрою и поведению оставался именно конногвардейцем.

Любопытно, что эскадрон конногвардейцев, отправлявшийся в Павловск, по особому повелению Александра (с подачи, разумеется, его матери), был снабжен новыми чепраками, патронташами и пистолетными кобурами со звездой ордена Святого Андрея Первозванного, имеющей надпись с девизом "За Веру и Верность". По воспоминаниям полковника Саблукова, ".. эта почетная награда, как справедливая дань безукоризненности нашего поведения во время заговора, была дана сначала моему эскадрону, а затем распространена на всю конную гвардию. Кавалергардский полк, принимавший столь деятельное участие в заговоре, был чрезвычайно обижен, что столь видное отличие дано было исключительно нашему полку. Генерал Уваров горько жаловался на это, и тогда государь, в виде примирения, велел дать ту же звезду всем кирасирам и штабу армии, что осталось и до настоящего времени".

Думаю, что после событий 1 марта и сам де Витт не испытывал особого желания продолжать службу в Кавалергардском полку, чуждом ему по духу и нравам. Скорее всего, он с удовольствием согласился переменить место службы. Будучи человеком умным, Витт просто не мог не понимать – вдовствующая императрица Мария Федоровна всегда будет иметь большое влияние на своего старшего сына-императора, а потому служить в полку ее имени и пользоваться ее личным расположением гораздо перспективнее, чем прозябать среди чужаков кавалергардов.

В отличие от кавалергардского полка у лейб-кирасир ее величества де Витт застал более простую, почти домашнюю обстановку. Здесь помнили и чттили убитого императора, здесь царил настоящий культ его супруги.

Пусть старомоден белый наш колет;
Пусть кираса уж не сдержит пули —
Короне нас вернее нет,
За Государыню наш вздох последний будет!

Эти слова полковой песни лейб-кирасир ее величества полностью отвечали состоянию души де Витта. Думается, что морально служилось в лейб-кирасирах ему куда приятнее, чем в предыдущем полку.

Лейб-кирасирский ее величества полк был сформирован году под названием драгунского Портеса полка, а затем Невский драгунский. Боевое крещение полк получил осенью 1705 года в составе кавалерийского отряда князя Меншикова в бою у предместья Варшавы – Праги. Впоследствии полк принимал участие во всех крупных битвах Северной войны – у Калиша, при Лесной, под Полтавой, был в Курляндии, Померании, Голштинии, Дании, участвовал в подавлении восстания Кондратия Булавина.

В 1733 году в русской армии начинают формировать кирасирские полки – главную ударную силу кавалерии. Невскому драгунскому полку выпала особая честь – он стал не просто кирасирским, а лейб-кирасирским, то есть шефом его стала сама императрица Анна Иоанновна. Императрица считалась и полковником полка, почему его командиры именовались вице-полковниками.

Анна Иоанновна. Гравюра Ивана Соколова, 1740

С переформированием полка в кирасирский, он получил и свои первые регалии – серебряные литавры. Впоследствии императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II также были шефами и полковниками полка. При этом нужно отметить, что он не входил в состав Гвардии, а был армейским полком, но имевшим особую привилегию – шефство высочайших особ. В 1796 году шефом полка назначена супруга Павла императрица. В 1798 году полк выступил из России за границу и принял участие в кампании 1799 года в Швейцарии. 26 сентября 1799 года три эскадрона полка приняли участие в бою у деревни Шлатте – последнем сражении на берегах Рейна. В марте 1800 года полк вернулся в Россию и, по существу, являлся в то время единственным из привилегированных полков тяжелой кавалерии имевшим боевой опыт.

В октябре 1798 года в знак особого расположения к полку Павел Первый пожаловал ему на чепраки и чушки шитые серебром восьмиконечные звезды с двуглавым орлом в центре. Отметим, что кирасиры ее величества были единственным полком, имевшим с 1801 года серебряные кирасы, тогда как во всех других кирасирских полках они были отменены и вновь введены (но уже стальные) только в 1812 году. Это был знак высшего благоволения со стороны Павла Первого.

Немного позднее из-за синего цвета приборного сукна за лейб-кирасирами ее величества навсегда закрепилось прозвище «синие кирасиры». Как и в других привилегированных полках у лейб-кирасир ее величества были свои традиции. Так нижние чины полка комплектовались, как правило, из высоких красивых брUNETов. По возможности и офицеры полка тоже должны были быть брUNETами, так что и по внешнему виду де Витт полностью соответствовал «стандартам» лейб-кирасир. Общая полковая масть коней полка была рыжей, и только у трубачей серой. В 1-й эскадрон входили золотисто-рыжие кони, во 2-й рыжие белоногие с проточиной, в 3-й рыжие со звездочкой, и в 4-й темно-рыжие и бурые. Каким из этих эскадронов командовал де Витт нам в точности не известно.

Любили лейб-кирасиры и выпить. Недаром в одной из полковых песен пелось:

Не бояться вина количества
Кирасиры ее величества!

В том же лейб-кирасирском ее величества полку при брате начал службу поручиком и его младший сводный брат Станислав Потоцкий. Отношения между братьями были прекрасными и они не только вместе служили, но и вместе проводили время вне службы.

Наверное, одно из главных отличий службы в гвардии от службы в обычных армейский полках – это огромное количество всевозможных празднеств и парадов, в которых приходилось участвовать гвардейцам. Петербургские парады вообще занимали заметное место в жизни города и своим количеством, и красотой. Парады были полковые или всего гвардейского корпуса, по случаю смены караулов и дворцовые, в связи с большими праздниками или важнейшими событиями в жизни империи, столицы, императорской фамилии. Эти церемонии запечатлены на многочисленных гравюрах и картинах. Чаще всего военные команды и музыка оглашали просторный Царицын луг, ставший со времени Павла I в полном смысле Марсовым полем, как в Париже. Здесь проводились многочисленные военные учения.

«Кто станет отрицать, – писал один петербуржец, – что военные эволюции, как ни механическими нашей гражданской философии кажутся, пленительны; что это многолюдство, составляющее правильные фигуры, движущиеся и переменяющиеся одна в другую по одному мановению как бы волшебным образом, что приятная и блестящая пестрота среди единообразия занимает взор необыкновенно, как звук музыки и гром пушек – слух».

С начала XIX века военные парады стали устраивать в память о различных исторических событиях. Так 16 мая 1803 года столица торжественно «возобновила память об основателе сего града...». Гвардейские полки прошли маршем по Английской набережной к Сенатской площади. Во главе колонн был молодой государь – Александр I, который при прохождении мимо Медного всадника «изволил ему салютовать, чему последовали все войска». В этом параде участвовал со своим эскадром и де Витт.

Важным элементом военного быта гвардейских полков, расквартированных в Петербурге, было соперничество. Мы уже говорили выше о весьма сложных отношениях между офицерами Кавалергардского и Конногвардейского полков, которое длилось не один год. Соперничество между полками находило, порой, самые разные формы выражения. На поле боя полки гордились своей доблестью, на походе – выносливостью. В мирное время соперничество было на скачках и в дружеской попойке, а порой решалось и на дуэлях. Военный писатель В. В. Крестовский отмечал два типа поведения гвардейских офицеров в александровское время: «В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках господствовал тогда особый дух и тон. Офицеры этих полков принадлежали к высшему обществу и отличались изяществом манер, утонченною изысканностью и вежливостью в отношениях между собою: Офицеры же других полков показывались в обществе только по времени и, так сказать, налетами, предпочитая жизнь в товарищеской среде, жизнь нараспашку. Конногвардейский полк держался ней-

трально, соблюдая смешанные обычаи. Но зато лейб-гусары, лейб-казаки, измайловцы, лейб-егеря жили по-армейски и следовали духу беззаботного удалства... Уланы всегда сходились по-братски с этими последними полками, но особенно дружили они с флотскими офицерами».

Разумеется, у гвардейцев, как и в каждой уважающей себя карпорации, был и свой жаргон. Вот некоторые характерные его образцы, автором которых был командир лейб-гвардии Уланского полка граф Гудович: «сушить хрусталь» – пьянствовать, «попотеть на листе» – играть в карты. Широко использовали, к примеру, термин «хрипун» для обозначения военного щеголя, затянутого в корсет. Все это составляло жизнь и де Витта.

Гудович в военном мундире

Однако помимо всего этого молодой полковник серьезно занимался совершенно иными, казалось бы, совершенно чуждыми гвардейцу делами. Все свободное время де Витт уделяет изучению устройства иностранных армий, их особенностей и устав. Военная разведка в то время еще не была до конца сформирована организационно, но то, что Витт, уже тогда отдал в душе предпочтение именно секретной службе, сомнений не вызывает. Одновременно молодой полковник становится завсегдатаем великосветских салонов. Имя, связи и деньги открывали ему все двери. Вскоре о красавце полковнике стали говорить, как об умном и многообещающем молодом человеке. Почтенные мамы обратили на него взор, как на перспективного жениха. Но Витт и не помышлял об этом. Мир салонов, мир интриг и скоропалительных любовных связей, мир сплетен и закулисных дел пришелся ему столь по душе, что вскоре он чувствовал себя там, как рыба в воде. Кровь матери влекла молодого графа к невероятным приключениям и самым рискованным авантюрам. Современники отмечают, что в ту пору у графа было немало романов. Впрочем, у кого из гвардейских офицеров их не было?

В 1805 году для Ивана де Витта начинается новая глава его жизни – полк выступает за границу, на этот раз в Австрию. Началась война с наполеоновской Францией, и молодому полковнику предстояло получить свое боевое крещение на поле брани.

Говоря об участии лейб-кирасиров ее величества в кампании 1805 года, необходимо сказать следующее. В отличие от легкой кавалерии (гусар, драгун и уланов) которая предназначалась для разведки, несения дозоров, лихих рейдов по тылам противника и его преследования после выигранного сражения, тяжелая кавалерия (конногвардейцы, кавалергарды и кирасиры) предназначались для пробития неприятельской обороны. Рослые всадники в броне с тяжелыми палашами на огромных конях должны были в тесном строю проламывать вражеские порядки.

По существовавшему в ту пору уставу тяжелой кавалерии, неприятеля следовало атаковать только сомкнутым «железным» строем, а уже для преследования, не выдержавшего натиска врага, использовалась «рассыпная атака». По команде «Рознь! Марш! Марш!» следовало «каждому кирасиру не держать ни линии, ни шеренги, а ехать вперед». Стреляли и рубили до тех пор, пока сигнал «Аппель» не заставлял прекратить преследование и, не мешкая, собираться к своему штандарту. При этом свое место в шеренге можно было не отыскивать, но желательно было найти свою шеренгу (первую или вторую). Место сбора определялось по штандарту, для прикрытия которого всегда оставались с обеих сторон по три ряда кирасир с командиром 3-го взвода, а также замыкающий офицер и трубачи.

Кирасиры были главной ударной силой армии, от которой зачастую зависел конечный исход генерального сражения. Подготовка и снаряжение кирасир стоило очень дорого, а потому их никогда не бросали в бой, как все другие полки, а берегли «как зеницу ока» для нанесения решающего смертельного удара противнику. Именно поэтому боевых дел у кирасиров, как правило, бывало намного меньше, чем у их коллег гусар и уланов. Весьма не часто выпадало кирасирам драться с неприятелем во время многочисленных войн с Турцией. Там для них просто не было достойного противника, так как турки не имели тяжелой кавалерии, и драгуны с казаками вполне справлялись с их иррегулярной конницей. Однако в войнах с европейскими регулярными армиями кирасиры были просто необходимы. И если кирасиры уж шли в свою решающую атаку, то эта была стальная лавина, которая сметала все на своем пути. Остановить этот всепоглощающий напор мог только ответный удар такой же тяжелой конницы. В этом случае встречное сражение становилось настоящим полем брани рыцарских времен, когда, закованные в железо, огромные всадники крушили друг друга своими тяжелыми палашами.

Компания 1805 года была несчастливой для русского оружия. В кровопролитнейшем и несчастливом для русской армии сражении при Аустерлице лейб-кирасиры приняли самое активное участие. Полк не раз ходил в атаки, а затем весьма успешно прикрывал отступление нашей разбитой армии, находясь в ее арьергарде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.